

Учебные учения завершились. В небе появились группы летательных аппаратов, спускающихся, чтобы забрать экзаменуемых.

Жаркая погода сильно изматывала, но, опьянённые радостью победы, курсанты, несмотря на измождённый вид, сияли от возбуждения. Это создавало резкий контраст с подавленным настроением ветеранов округа Нави.

Когда летательный аппарат приземлился, Бай Лумин ловко открыл дверь, заскочил внутрь и, удобно устроившись, откинулся на спинку, приняв самую комфортную позу.

Поднявшийся Хэ Илань увидел его слишком широко расставленные длинные ноги, остановился рядом и сказал:

— Убери ноги.

Бай Лумин непонимающе поднял на него глаза:

— Места же много?

Если бы пассажиров было много, это ещё ладно, но на этом участке возвращаться нужно было только им троем. Зачем этот человек лезет к нему?

Хэ Илань посмотрел на него, но не ответил. Он просто прошёл мимо, как ни в чём не бывало, и сел на место рядом с Бай Лумином.

В тот момент, когда он коснулся его ноги, сердце Бай Лумина подпрыгнуло, и он тут же отдёргнул ногу, словно его ударило током.

Когда он снова посмотрел, Хэ Илань уже элегантно сидел, будто совершенно не заметив этой маленькой заминки.

Бай Лумин: ...

Кажется, этот человек делает это нарочно.

Хэ Илань заметил взгляд Бая Лумина, повернул голову и спросил:

— Почему ты так на меня смотришь?

Бай Лумин:

— Смотрю, потому что ты ядовитый.

Хэ Илань улыбнулся и не стал спорить.

Место проведения учений находилось далеко от жилого комплекса крепости. Прошло более двух часов, прежде чем Бай Лумин, засыпая, приземлился. Когда он открыл дверь кабины, снаружи уже полностью стемнело.

Вокруг прибывали другие курсанты, которые всё ещё взволнованно обсуждали неожиданную сегодняшнюю победу.

Бай Лумин поднимался по лестнице, расстёгивая пуговицы, и, входя в общежитие, уже снял куртку, обнажив полностью пропитанную потом рубашку.

Прилипшая к телу тонкая ткань идеально подчёркивала плавные линии его фигуры. Капельки пота на кончиках волос заставляли его серебристо-серые волосы блестеть в свете ламп.

Хэ Илань, вошедший следом, увидел эту картину, на мгновение остановил взгляд, а затем подошёл к кулеру и взял чашку.

Бай Лумин бросил свою испачканную грязью куртку в сторону. Повернувшись, он увидел, как Хэ Илань не спеша заваривает себе красный чай, и тут же потерял дар речи:

— Откуда у тебя чайный пакетик?

— Дала регистраторша внизу.

Хэ Илань спросил:

— Она сказала, что этот вкус красного чая довольно хорош. Хочешь попробовать?

— Нет, я не пью чай. Этот напиток мне не подходит. Он больше подходит тебе, — сказал Бай Лумин, взял полотенце и направился в ванную, бросив на ходу: — Я первый приму душ, не подглядывай.

Хэ Илань ничего не сказал, прислонился к стене с чашкой чая и сделал маленький глоток. Поднимающийся пар затуманивал его глубокий цвет глаз.

Ещё с тех пор, как они были на чердаке, этот человек, казалось, всегда специально подчёркивал «не подглядывать». Может, это из-за следов механической модификации на его теле?

Пока он пил чашку чая, Бай Лумин как раз закончил принимать душ и вышел:

— Я закончил, можешь идти.

Прозрачные капли воды обрамляли его волосы влажным ореолом. Хэ Илань бросил взгляд на мокрые следы, не вытертые на шее Бая Лумина, поставил чашку на стол и ответил:

— Угу.

Бай Лумин, увидев, как Хэ Илань вошёл в ванную, вытер влажные волосы, подошёл к кровати и лениво прилёг. Невольно заметив книгу на столе, он взял её. Это был сборник стихов под названием «Роза и Соловей», на обложке которого был напечатан герб крепости, явно библиотечный экземпляр.

Бай Лумин небрежно пролистал её, и на мгновение восхитился этим господином Хэ. Несмотря на такие большие перемены в жизненных условиях, он всегда умудрялся сохранять эту требовательность к деталям.

Пролистав несколько страниц по диагонали, Бай Лумин почувствовал сонливость.

Дверь ванной открылась изнутри. Когда Хэ Илань вышел, он увидел Бай Лумина, который сладко зевнул, будучи полностью расслабленным.

Его взгляд скользнул по книге в руках собеседника, и он сразу всё понял:

— Если тебе нравится такой стиль сборников, я могу многое порекомендовать.

— Спасибо, не нужно, — Бай Лумин без раздумий отказался. — Для меня у таких книг есть только одно предназначение: ускорять засыпание и улучшать качество сна.

Он небрежным движением бросил книгу Хэ Иланю.

Хэ Илань поймал её и положил обратно на стол.

Она снова оказалась на том же месте, аккуратно, в ряду других, ровно расставленных предметов.

В то время как эта половина стола была идеально упорядочена, половина рядом с Бай Лумином представляла собой полный беспорядок, будто это были два разных мира.

Бай Лумин заметил это и не удержался от вопроса:

— У тебя что, обсессивно-компульсивное расстройство?

Хэ Илань ответил:

— Не совсем, просто мне нравится поддерживать определённый порядок в разумных пределах.

Бай Лумин понимающе кивнул:

— Уважаю личные привычки.

Хэ Илань поправил книгу, и его взгляд остановился на Бай Лумине.

Сейчас оба сидели у изголовья своих кроватей. Но в отличие от Бай Лумина, который лежал на кровати, закинув ногу на ногу, в максимально расслабленной позе, сдержанная манера сидения Хэ Иланя, несомненно, была намного более строгой.

Спина Хэ Иланя была идеально прямой. Несмотря на то, что на нём была самая обычная повседневная форма солдата крепости, она всё равно придавала ему какое-то невыразимое благородство.

Сложив пальцы рук перед собой, он смотрел на Бай Лумина так, словно собирался вершить суд.

— А ты, каковы твои личные привычки? — спросил он Бай Лумина.

Кровати находились по разные стороны комнаты, разделённые не слишком широким проходом. Это было не слишком близкое, но и такое, что не давало возможности скрыться.

Бай Лумин, похоже, давно предвидел такое развитие событий. В каком-то смысле, это была «игра в признание».

Он улёгся, подперев голову рукой, глубоко погрузившись в одеяло за спиной, и, встретившись взглядом с Хэ Иланем, заинтересованно спросил в ответ:

— Как ты думаешь, какие у меня личные привычки?

Хэ Илань пристально посмотрел в его глаза:

— Плыть по течению, жить сегодняшним днём, и...

Он немного затянул конец фразы, прежде чем медленно закончить:

— Мошенничество, обман и хитрость.

Бай Лумин не согласился с такой оценкой:

— Чистая правда, клянусь Небом. Все мои доходы имеют чётко обозначенную цену, я зарабатываю честные деньги и никогда никого не обманываю.

— Честные деньги, никого не обманываю? — В глазах Хэ Иланя вспыхнула игривая усмешка. — Ты уверен?

Когда последние три слова прозвучали рядом, Бай Лумин, под пристальным взглядом Хэ Иланя, плавно изменил свою формулировку:

— Изредка бывают некоторые невинные выдумки, но совесть всё ещё со мной.

Сказав это, он услышал, как Хэ Илань тихонько рассмеялся, но было неясно, что именно он поставил под сомнение — «невинные выдумки» или «совесть всё ещё со мной».

Бай Лумин не возражал против этого, а лишь небрежно приподнял бровь:

— Кроме того, у каждого человека, в той или иной степени, есть свои маленькие секреты. Поддержание некоторой загадочности и уважение личных границ — это социальная дистанция, которая полезна для всех.

Договорив до этого места, он добавил в свой взгляд, обращённый на Хэ Иланя, немного игривости:

— Конечно, секретами можно и поделиться, но этот обмен, как правило, взаимный. За карточным столом, если ты хочешь увидеть чужие карты, тебе нужно показать и свои. Это называется взаимность. В противном случае, очень легко получить пощёчину. Что ты думаешь об этом, господин И?

Когда он произнёс последние три слова, в нежной интонации Бай Лумина, безусловно, был скрыт особый смысл.

Общежитие курсантов было небольшим. Ночной ветерок проникал сквозь окно и, проходя через внезапно наступившую тишину, казалось, застыл в комнате.

Только через несколько секунд весь воздух, казалось, снова начал циркулировать.

— Ты прав, — Хэ Илань медленно кивнул. Ложась, он выключил свет в комнате. — Я рад, что у нас состоялась такая откровенная беседа. Спасибо за сегодняшний день, спокойной ночи...

Когда свет окончательно погас, Бай Лумин в темноте услышал тихий, двусмысленный смешок:

— Господин Лу.

Через мгновение на его губах тоже появилась улыбка:

— Спокойной ночи.

*

После завершения учебных учений атмосфера в лагере курсантов оставалась напряжённой.

Переполнившись радостью победы, все быстро осознали, что вот-вот должна была начаться официальная запись в отделы.

Через три дня все курсанты постепенно собрались на плацу.

Войдя, Бай Лумин сразу увидел на центральном экране список, показывающий окончательный рейтинг очков после завершения учений.

За исключением группы командиров, для которых существовали особые критерии оценки, окончательное количество набранных баллов, несомненно, было одним из ключевых критериев приёма в различные отделы сегодня.

В списке было много курсантов, которым в пылу боя повезло получить два-три балла за уничтожение противника. В начале списка можно было увидеть имена Бай Лумина и Хэ Иланя. Над ними ярко выделялись 26 баллов, полученных Чу Сяо.

26 баллов — это, безусловно, очень высокий боевой результат, но Чу Сяо всё же не был лидером в системе боевых рейтингов.

Перед его именем висело имя другого человека — Тан Жуюань, 52 балла.

Пока Чу Сяо становился популярной фигурой, все эти дни все только и говорили о Тане Жуюань.

Говорили, что именно этот капитан 2-го отряда глубоко проник в тыл противника в одиночку и уничтожил вражескую базу, одержав окончательную победу. 40 баллов, полученных за захват

базы, было достаточно, чтобы это имя прочно закрепилось на вершине рейтинга.

Бай Лумин бросил взгляд на это имя, заинтересовавшись Тан Жуюань, и начал оглядываться по сторонам, пытаясь найти этого человека, как вдруг услышал, что кто-то громко зовёт его издали:

— Лу Мин, И Лань, вы тоже пришли!

Бай Лумин обернулся и увидел, как к нему бежит фигура. Когда он остановился перед ним, порыв ветра заставил его серебристо-серые волосы развеиваться.

Бай Лумин осмотрел Чу Сяо:

— Похоже, ты неплохо отдохнул эти дни, выглядишь бодро.

Чу Сяо ярко улыбнулся:

— Ещё бы! Я спал в общежитии целых три дня!

Сказав это, он с некоторым волнением спросил:

— В какой отдел вы собираетесь? Тоже в отдел боевой индивидуальной подготовки? С вашими показателями вы точно сможете туда попасть, и тогда мы сможем снова быть вместе?

Бай Лумин открыл рот под этим полным надежды взглядом, чтобы ответить, но его взгляд остановился за спиной Чу Сяо.

Чу Сяо удивился, почему Бай Лумин так долго молчит, но тут услышал голос за спиной:

— Прошу прощения, вы — Чу Сяо?

— Я, что... — Чу Сяо инстинктивно обернулся, но не ожидал, что подошедший человек будет так близко. Внезапно встретившись с глазами, полными нежности, его дыхание слегка перехватило. — ...что вам нуж...но?

Последние два слова он тихо проглотил, потому что голос слегка дрогнул.

В глазах феникса подошедшего человека, казалось, плескалась весенняя вода, но ещё больше привлекали внимание длинные, ниспадающие водопадом волосы цвета морских водорослей. Пряди свободно лежали на плечах. Хотя на нём была та же униформа, что и на всех, воротник на груди был небрежно растёгнут, открывая подвеску с сапфиром на шее. На фоне

белоснежной кожи она сияла так же ярко и великолепно, как и сам её обладатель.

Фигура этого человека была немного выше, чем у Чу Сяо. Сейчас он слегка наклонился, внимательно разглядывая его, и в его нежном взгляде Чу Сяо почувствовал, что вот-вот утонет.

Из-за близкого расстояния Чу Сяо также почувствовал слабый, неуловимый аромат, исходящий от него.

Оправившись от мгновенного изумления, он почувствовал, как жар поднимается прямо от ступней к голове.

Мягкие, тонкие губы слегка приоткрылись, и нежный, словно вода, голос прозвучал, почти касаясь мочки его уха:

— Ещё совсем ребёнок.

Не дав собеседнику продолжить осмотр, Чу Сяо, словно поражённый током, отскочил назад, мгновенно увеличив дистанцию:

— Кра... Красавица-сестра, мужчине, муж... мужчине и женщине нельзя прикасаться. Если вам что-то нужно, просто скажите, не... не подходите так близко.

— Красавица-сестра? Так ты меня называешь?

Красавец расцвёл улыбкой от этих слов, медленно выпрямился, откинул волосы цвета морских водорослей за плечо и, опустив взгляд на совершенно покрасневшее лицо Чу Сяо, с улыбкой поманил его:

— Подойди.

Мозг Чу Сяо был почти полностью отключён из-за сильного шока. Услышав это, он инстинктивно сделал два шага вперёд и увидел, как другой человек мягко взял его за запястье.

В следующее мгновение, под воздействием силы, его рука прямо упёрлась в область груди этого человека.

Чу Сяо: !!!?

Что это?!

За несколько коротких секунд Чу Сяо почувствовал, как в его мозгу взорвались бесчисленные

фейерверки. После того, как в его сознании промелькнуло множество ярких образов, он наконец что-то осознал и постепенно восстановил рассудок.

Подождите... эта грудь, она плоская?!

Через долгое время Чу Сяо ошеломлённо поднял голову:

— Ты...

Под его взглядом красавец слегка улыбнулся, подтверждая его догадку:

— Да, мужчина.

В этой улыбке было море очарования. Красавец хотел было что-то продолжить, но тут в поле его зрения появилась ещё одна рука, которая, совершенно открыто, пощупала его грудь.

Улыбка на его лице слегка застыла:

— ...А ты кто?

В глазах Бай Лумина тоже читалось некоторое удивление. Пощупав, он дал Чу Сяо утвердительный взгляд:

— Действительно мужчина.

Чу Сяо: ...

Почувствовав упругость, Бай Лумин посмотрел на лицо собеседника и повернулся, приглашая:

— Хочешь, ты тоже пощупаешь?

Хэ Илань: ...

Бросив взгляд на руку Бай Лумина, которую тот с удовольствием отдёнул, Хэ Илань сохранял джентльменское достоинство в течение целых десяти секунд молчания, а затем ответил:

— Спасибо, не нужно.